

Цѣна 8 коп.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

А. БЕБЕЛЬ. Грѣхи центра	Ц. 6 к.
А. БЕБЕЛЬ. Покушенія и соціалъ-демократія	Ц. 8 к..
А. БЕБЕЛЬ. Наши цѣли	Ц. 10 к.
КАРЛЪ МАРКСЪ. Наемный трудъ и капиталъ	Ц. 8 к.
ГУСТАВЪ ЗИДОВЪ. Рабочее законодательство и рабочія реформы въ Германіи	Ц. 6 к.
БРУНО ШЕНЛАНКЪ. Пролетаріатъ и его стремленія	Ц. 15 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
М. С. КОЗМАНА, ОДЕССА, М.-Арнаутская, 46.

80 $\frac{4}{213}$

Клара Цеткинъ.

Женскій вопросъ * * *
*** * * и Термаксское студентство**

Книгоиздательство М. С. Козмана, въ Одессѣ.

1366 768

Клара Цеткинъ

**Женскій вопросъ
и Терманское студентство**

5152

Книгоиздательство
М. С. Козмана, въ Одессѣ.

1905.

2942

Худож. Иллюстрация

Дозволено цензурой, Одесса, 16 июля 1905 года.

ОДЕССА.

„Коммерческая“ лито-типография В. Сапожникова

Ришельевская 27.

НА АРЕНУ современной жизни выступает въ числѣ другихъ новая могучая сила, жаждущая побѣды и осуществленія своей цѣли. Эта новая сила есть олицетвореніе страстнаго желанія достигнуть, съ одной стороны, расцвѣта свободной сильной личности, а съ другой, получить для этой усовершенствованной личности со всѣми ея индивидуальными качествами полную возможность отжить свой вѣкъ вполне, исполнивъ цѣльную задачу жизни. Это могучее стремленіе, это страстное желаніе овладѣло съ непреодолимой силой также и женскимъ поломъ. Позднѣе, чѣмъ у мужчинъ, пробудилось въ женщинѣ сознаніе личности. Весьма понятно почему. Въ силу жизненныхъ условій женщина была прикована къ нѣкоторому союзу, къ семьѣ. Въ тѣсно ограниченномъ семейномъ кругу женщина нашла себѣ не только всѣ средства къ существованію, но также и весь смыслъ существованія и цѣль жизни. Вслѣдствіе этого она прежде всего должна была чувствовать себя только лишь членомъ семейной группы, а не личностью съ ея индивидуальными особенностями.

Но въ наши дни въ этомъ отношеніи многое измѣнилось. Крупные перевороты въ области хозяйства, промышленности и техники все больше и больше гонятъ женщину изъ укромаго уголка семейной идилліи на арену жизни, въ самый разгаръ тяжелой борьбы за существованіе. Здѣсь она постепенно проникается сознаніемъ своей личности. При тяжелыхъ столкновеніяхъ разума, сердца и обязанностей она задается вопросами: Кто я? Что мнѣ подъ силу? Что мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

Современное движеніе среди германскихъ женщинъ, съ точки зрѣнія этики и психологіи, слѣдуетъ признать выраженіемъ борьбы женщины за полное сво-

бодное развитіе женской индивидуальности, съ цѣлью исполнить цѣльную задачу въ жизни наравнѣ съ мужчиной. Весьма естественно это движеніе началось попыткой совершить переворотъ, попыткой произвести, возстаніе противъ семейнаго союза, въ которомъ женщинѣ приходится играть къ силу традиціи подчиненную роль. Поэтому эмансипація женщины по отношенію къ семьѣ является основой для „переоцѣнки“ соціальнаго положенія женщины и для ея превращенія въ вполне свободную личность.

Въ разгарѣ борьбы за достиженіе этихъ благъ были неизбежны односторонности и крайности, какъ со стороны защитниковъ, такъ и со стороны противниковъ старыхъ традицій. Защитники послѣднихъ допускали въ женщинѣ лишь одно, а именно: быть только женщиной. Все общечеловѣческое въ ней должно, по ихъ мнѣнію, находиться въ подчиненіи у чистой женственности, оно должно въ женщинѣ поглощаться „женскимъ своеобразиемъ“ и „спеціально женскими половыми назначеніями и задачами“. Предводительницы женскаго движенія выставляютъ противъ идеала своихъ противниковъ другую противоположную крайность, такъ что съ одной стороны стоитъ идеалъ чистой женственности, а съ другой—какое-то чудовище, не имѣющее съ женщиной ничего общаго, кромѣ половыхъ признаковъ. Этотъ прославленный типъ „новой женщины“ лишень всѣхъ особенностей свего пола; онъ является невѣрнымъ олицетвореніемъ какого-то существа „средняго рода“; эта „перодившаяся Ева“ презираетъ всѣ половыя особенности, все женственное, какъ малоцѣнное и даже недостойное; отъ всякихъ „женскихъ половыхъ назначеній“ этотъ типъ наотрѣзъ отказывается, называя ихъ унизительными. „Переродившаяся Ева“ должна совершенно забыть свою „первоначальную“ природу и стремиться къ исполненію общечеловѣческихъ задачъ, къ достиженію полнѣйшаго равенства съ мужчиной.

Движеніе за эмансипацію среди женщинъ породило уже само изъ себя неизбежную реакцію, направленную противъ такой односторонности и ограничен-

ности. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить проявленіе этой реакціи, правда, грубое и заходящее слишкомъ далеко, но вполне здоровое по существу. Лаура Мархольмъ создала новый идеалъ—свое „женское я“. Въ этомъ послѣднемъ типѣ всѣ женскія половыя особенности сведены къ „началу жизни“, къ грубой чувственности и къ пошлымъ плотскимъ вожделѣніямъ. Но наряду съ этими грубыми понятіями о природѣ женщины начинаютъ проявляться попытки болѣе правильной оцѣнки особенностей женской духовной природы. Такія попытки замѣчаются прежде всего у Элленъ Кей.

Разумѣется, борники эмансипаціи женщины должны указывать своимъ противникамъ на то, что женщина есть человѣкъ, но притомъ они должны сами проникаться истиной, что женщина, въ то же время, не можетъ измѣнить свой полъ. Это звучитъ тривиально но что дѣлать въ виду односторонности въ доводахъ противниковъ?—Индивидуальность женщины не можетъ дойти до степени высшаго развитія и полнаго расцвѣта, ни по ученію тѣхъ, кто требуетъ отъ женщины исключительно женственности, ни по ученію другихъ, кто признаетъ въ женщинѣ исключительно только общечеловѣческія черты. Общечеловѣческія свойства и чисто женскія особенности должны въ женщинѣ согласоваться и развиваться вмѣстѣ. Подавленіе общечеловѣческихъ качествъ отражается на развитіи женщины въ такой степени, что она вырождается въ жалкій типъ изнѣженной самки. Съ другой стороны, искаженіе присущихъ женщинѣ особенностей ея пола не можетъ не послужить опаснымъ препятствіемъ на пути къ полному расцвѣту общечеловѣческихъ элементовъ въ женщинѣ. Дѣйствительно полезнымъ для семьи и общества человѣкомъ можетъ быть только та женщина, которая наслаждалась счастьемъ въ любви и видитъ въ подростящихъ дѣтяхъ плоды своихъ собственныхъ высокихъ стремленій. Никто не можетъ отрицать, что зрѣлая женщина въ качествѣ супруги и матери достигаетъ самыхъ цѣнныхъ, высшихъ результатовъ. Какъ вполне развившійся человѣкъ, она и внѣ дома бу-

детъ чувствовать себя дома, своимъ дѣтямъ, она предоставить самый цѣнный наслѣдственный удѣлъ: они также будутъ въ будущемъ въ состояніи исполнить задачу своей жизни и останутся въ борьбѣ за существование побѣдителями; въ кругу семьи женщина будетъ побудительной и живительной силой. Настоящая цѣль эмансипаціи женщины не есть созданіе типа, похожаго сколько-нибудь на существо безполое. Эмансипація совсѣмъ не желаетъ, чтобы женщина сдѣлалась обезьяной, бессмысленно копирующей мужчину; она борется за свободу развитія, которая одна обезпечиваетъ женщинѣ полное развитіе ея общечеловѣческихъ качествъ.

Въ литературѣ пока еще нѣтъ ни одного образа идеальной „новой женщины“, такой женщины, которую можно было бы назвать женщиной и въ то же время полноправнымъ человѣкомъ. Но это весьма понятно при настоящихъ условіяхъ, гдѣ для женщины въ дѣйствительности никакой возможности нѣтъ развиться и усовершенствоваться въ направленіи къ идеалу. Каррикатурная и нелѣпая обрисовка типа „новой женщины“, въ особенности въ американской литературѣ, сильно способствовала распространенію ложныхъ понятій и взглядовъ на эмансипаціонное движеніе женщинъ.

Личность и ея индивидуальныя особенности развиваются, растутъ, проявляются въ средѣ опредѣленныхъ условій. Но перешагнуть черезъ предѣлы, положенные этими условіями, рѣшаются только чрезвычайнаго сильныя натуры. Пусть неутомимо ищущая женская душа устремляется въ мучительной борьбѣ впередъ; пусть страстное желаніе достиженія конечной цѣли идеальной полноправной „женской человѣчности“ волнуетъ всѣ женскія сердца!—но всѣ эти возвышенныя желанія и хотѣнія должны у большинства разбиваться о социальныя преграды, нагроможденные въ теченіе вѣковъ. Эти преграды должны быть уничтожены, традиціонныя препятствія должны быть сломлены для того, чтобы женщина получила возможность успѣшно бороться за осуществленіе своихъ идеальныхъ цѣлей.

Всякое серьезное движеніе, имѣющее цѣлью разрѣшеніе женскаго вопроса, должно въ силу социальныхъ условій быть социальной борьбой. Въ то время какъ пролетарское женское движеніе ведетъ борьбу противъ капитализма и его общественнаго строя, гражданское эмансипаціонное движеніе германскихъ женщинъ ведетъ другого рода борьбу, въ которой всѣ боевыя силы направлены противъ социальныхъ преимуществъ мужчинъ, противъ господствующаго социального положенія всего мужскаго пола. Въдѣ социальное подчиненіе женскаго пола есть важнѣйшая причина, препятствующая женщинѣ на пути къ свободному развитію. Женщина-пролетарій добивается тѣхъ правъ свободного человѣка, которыя угнетены и подавлены капитализмомъ. Но и для нея важно уравниеніе социальныхъ правъ обоихъ половъ, чтобы успѣшно бороться противъ нынѣ господствующаго капиталистическаго общественнаго строя. Два требованія стоятъ во главѣ всѣхъ цѣлей, къ которымъ стремятся въ своей борьбѣ германскія женщины: съ одной стороны, онѣ требуютъ свободы образованія и умственного просвѣщенія и свободной дѣятельности для каждой по своему призванію; а съ другой стороны, онѣ стремятся къ политическому равноправію съ мужчинами. Возможность свободной общественной дѣятельности по призванію каждой личности составляетъ первое условіе, главное основное положеніе въ интересахъ экономической независимости женщины по отношенію къ мужчинамъ и къ семьѣ; свобода дѣятельности должна считаться основой социального равенства женскаго пола. Политическое равноправіе женщины есть средство къ устраненію путемъ законодательства всѣхъ традиціонныхъ и иныхъ препятствій, которыя въ защиту господствующей роли мужчины мѣшаютъ правильному и свободному развитію женщины.

Небезынтересно для насъ, германскихъ женщинъ, знать, какъ относится студенчество и корпорація ученыхъ къ нашимъ стремленіямъ, къ полному свободному развитію женской индивидуальности. Какое

мѣсто занимаютъ у насъ представители науки и учащаяся академическая молодежь въ борьбѣ женщины за ея социальныя права? Если опредѣлить это отношеніе въ общихъ чертахъ, то можно, къ сожалѣнію, только сказать, что міръ ученыхъ не нашелъ нужнымъ дать женскому вопросу и всему движенію къ разрѣшенію этого вопроса справедливую оцѣнку, хотя бы даже съ точки зрѣнія исторической важности явленія. Слѣдовало бы ожидать, что наука съ полнымъ безпристрастіемъ опредѣлитъ значеніе и размѣръ дѣйствующихъ въ этой борьбѣ силъ, опредѣлитъ логическую послѣдовательность явленій, ихъ связь съ прошлымъ, ихъ оправданіе съ точки зрѣнія исторической неизбѣжности и, наконецъ, характеръ и исходную цѣль всего женскаго движенія. Изъ пока существующей оцѣнки, данной нѣкоторыми германскими представителями науки значенію женскаго вопроса и попыткамъ къ разрѣшенію его, можно сдѣлать сверхъ ожиданія совершенно противоположные выводы: обнаружилось высокое самонѣніе учености; получается впечатлѣніе, какъ будто бы наука не обитаетъ въ царствѣ свободной мысли, а является какимъ-то „ремесломъ“, исключительной „монополіей“ мужскаго пола; встрѣчаются также въ обиліи предразсудки изъ тьмы временъ, грубый эгоизмъ, но сильнѣе всего бросается въ глаза боязнь конкуренціи.

Обсуждая важность женскаго вопроса, весь образованный классъ, получившій высшее образованіе и имѣющій, слѣдовательно, всѣ средства къ образованію въ своемъ распоряженіи, обнаруживаетъ полную отсталость, узость взглядовъ и индифферентизмъ. Совершенно другое явленіе представляется намъ среди германскаго пролетаріата, на который привыкли въ высшихъ классахъ общества смотрѣть, какъ на „подонки общества“, которыхъ презрительно называютъ невѣжественными бѣдняками. Германскіе рабочіе одобрительно привѣтствуютъ женщину, борющуюся за свою независимость. Германская рабочая партія признаетъ равноправіе женщины и смотритъ на нее, какъ на рав-

ную себѣ союзницу и соратницу во всѣхъ сферахъ социальной жизни. Представители же науки и германское студенчество отвернулись отъ женщины, мучимой жаждой знаній и добывающей всѣми средствами болѣе глубокаго и болѣе богатаго содержанія жизни; они боятся конкуренціи женщины въ научномъ мірѣ; обвиняютъ ее въ психопатіи, а иногда называютъ ее даже погибшей въ нравственномъ смыслѣ; они даже признали возвышенное стремленіе женщины къ новому идеалу явленіемъ пагубнымъ для общихъ интересовъ человѣческой культуры.

Эти устарѣлые взгляды весьма понятны. Въдь эти взгляды прямо вытекаютъ изъ социальныхъ условий и образа мыслей тѣхъ классовъ общества, къ которымъ принадлежитъ по своему происхожденію большинство членовъ германскаго студенчества. Въдь мальчикъ въ своей родной сестрѣ привыкъ видѣть только дѣвочку; этой дѣвочкѣ считаютъ достаточнымъ давать самое скудное образованіе, говоря о ней: „ахъ, она въдь только дѣвочка!“ Въдь всякій юноша въ Германіи, подобно Фаусту, ищетъ и находитъ на извѣстной стадіи своего развитія свою „наивную“ Маргариту, которую онъ при лунномъ свѣтѣ неумоимо воспѣваетъ въ стихахъ; а въ лицѣ женской прислуги въ ресторанахъ и въ знакомствѣ съ публичными женщинами онъ ищетъ матеріалъ для чувственныхъ наслажденій. Когда же этотъ юноша сталъ кандидатомъ или докторомъ какого-либо факультета, то весьма нерѣдко чисто матеріальный расчетъ принуждаетъ его къ вступленію въ бракъ, при чемъ этотъ бракъ скорѣе похожъ на коммерческую сдѣлку. Денежныя мѣшки жены должны обезпечить его существованіе, потому что дѣятельность, всецѣло посвященная служенію чистой наукѣ, не всегда можетъ доставить ученому „хлѣбъ насущный“. Еще одно явленіе представляется намъ довольно нерѣдкимъ: жена должна ухаживать за больнымъ мужемъ, который страдаетъ подагрой вслѣдствіе того, что онъ, будучи въ юности необузданнымъ волокитой, черезъ мѣру искалъ чувственныхъ наслажденій.

Въ высшихъ кругахъ общества почти никогда не считаютъ нужнымъ внушать молодому человѣку огно-ситься къ дѣвушкамъ или женщинамъ даже своего круга, какъ къ равноправному товарищу и вѣрному спутнику на общемъ пути къ общимъ цѣлямъ. А на женщину изъ пролетарской среды смотритъ сынъ капиталиста свысока, гордясь своимъ матеріальнымъ превосходствомъ надъ ней; она для него „покорная рабыня“, и если она еще вдобавокъ миловидна и податлива, то онъ удостоиваетъ ее „честь“ служить предметомъ его развлечения.

Примѣромъ такого грубаго понятія образованной молодежи о назначеніи женщины можетъ послужить слѣдующая выписка изъ одной газеты съ консервативнымъ и „полуофициознымъ“ направленіемъ („Grenzboten“). Тамъ сказано: „Нѣкоторые студенческие союзы имѣютъ еженедѣльно свои, такъ называемые, „официальные половые вечера“. На этихъ вечерахъ не только дозволено, но вмѣняется даже въ обязанность каждому, начиная отъ младшаго „фукса“ и кончая старшими членами корпораціи, согрѣшить въ половомъ отношеніи (in venere). Для заслуженныхъ членовъ корпораціи частенько доставляетъ большое удовольствіе натравливать младшихъ студентовъ, только что выпущенныхъ изъ средней школы, на женскій элементъ, и горе имъ, если они не сумѣютъ повести дѣло какъ слѣдуетъ, или же если они обнаружатъ нравственное отращеніе“.

Но нельзя оставить безъ вниманія еще одно обстоятельство, еще одинъ фактъ, установленный путемъ научной статистики. Въ своемъ сочиненіи „Сифилисъ и проституція“, основанномъ на добросовѣстномъ и тщательномъ научномъ изслѣдованіи, докторъ Блашко доказываетъ, что проститутки и студенчество даютъ высшій процентъ венерическихъ больныхъ. Венерическихъ заболѣваній было: среди проституттокъ 53%; среди студентовъ 25%, у женскаго персонала въ ресторанахъ, кофейняхъ и пивныхъ 13,5%, у рабочихъ 8%, у солдатъ 4,3% (стр. 38—40). Эти

числа доказываютъ, что публичная женщина и женская ресторанная прислуга суть женскіе типы, съ которыми студенты имѣютъ особенно близкое и тѣсное знакомство. Ничего удивительнаго нѣтъ, если эти молодые люди, окончивъ университеты и академіи и выступивъ на обширное поприще общественной дѣятельности, вносятъ туда свои невысокіе взгляды на женскій полъ. Развѣ удивительно, если такіе господа низко цѣнятъ женскую природу и если они имѣютъ объ ея особенностяхъ самое грубое и пошлое мнѣніе?

Я не намѣрена обвинять германскихъ студентовъ, по примѣру проповѣдниковъ строжайшей нравственности и нелѣпаго аскетизма, въ томъ, что студенчество будто бы принадлежитъ къ нравственно испорченному слою общества. Разныя соціальныя условія, дѣйствуя вмѣстѣ, создаютъ положеніе, въ которомъ какъ студенты, такъ и вполне закончившіе свое образованіе мужчины должны являться „покупателями на рынкѣ проституціи“. Изъ этихъ многообразныхъ условій я приведу лишь одно, наиболѣе, по моему, важное: низкій уровень нравственнаго и умственнаго развитія въ семейной жизни среднихъ классовъ общества, которое на мѣсто прогресса ставитъ ложный стыдъ и принужденіе на основаніи давно устарѣвшихъ традицій. Сухая, неповоротливая гражданская добродѣтель не можетъ оказывать успѣшнаго противовѣса соблазну веселаго разврата. Вѣдь только въ исключительныхъ случаяхъ представляется молодымъ людямъ возможность чувствовать себя непринужденными въ обществѣ съ молодыми дѣвками; непринужденныя взаимныя отношенія могли бы привести къ приравненію обоихъ половъ, могли бы сближать ихъ интересы и образъ мыслей, могли бы облагораживать стремленія тѣхъ и другихъ. Но вмѣсто всего этого мы часто видимъ въ современной германской семьѣ одинъ изъ самыхъ отвратительнѣйшихъ женскихъ типовъ: мать, которая занимается „ловлей“ зятя, чтобы поймать дая своей дочери „выгоднаго“ мужа, она пускается на самыя хитрыя выдумки и спекуляціи. И дочка для этой цѣли получила специальную дрессировку.

Всякіе идейные и такъ называемые научные доводы приводятся академиками противъ стремленія женщинъ къ свободной дѣятельности по призванію. Но въ этихъ доводахъ играетъ чуть не самую важную роль одна чисто матеріальная причина: боязнь конкуренціи. Господа ученые, конечно, протестуютъ противъ такого объясненія. На своихъ сѣздахъ они торжественно заявляютъ, что одна лишь забота о полезномъ и цѣлесообразномъ развитіи науки заставляетъ ихъ относиться къ женской эмансипаціи неодобрительно. По ихъ мнѣнію, наука должна низко упасть, если слабый по своей природѣ женскій умъ коснется научныхъ вопросовъ. Доказывая, что женскій умъ въ области науки цѣнныхъ плодовъ принести не можетъ, да и не долженъ, они ссылаются на безчисленное множество доказательствъ изъ исторіи и психологіи. Но эти громкіе доводы не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Дѣйствительно, абсолютный средній вѣсъ женскихъ мозговыхъ аппаратовъ меньше, чѣмъ вѣсъ мозга у мужчинъ. Напротивъ, если опредѣлить относительный средній вѣсъ того и другого—какъ это сдѣлалъ, напр., Мануврье въ Парижѣ—то получится въ результатѣ, что мозговая масса у женщины по количеству превосходитъ мозговую массу у мужчины. Но что абсолютный вѣсъ мозговой массы самъ по себѣ не даетъ права дѣлать окончательные выводы относительно умственныхъ способностей, доказываетъ тотъ фактъ, что мозгъ большаго числа выдающихся ученыхъ по своему абсолютному вѣсу уступаетъ среднему вѣсу нормальнаго женскаго мозга; въ нѣкоторыхъ случаяхъ получается даже весьма значительная разница. Примѣнивъ къ этому явленію теорію нѣкоторыхъ хитроумныхъ господъ, слѣдовало бы сказать, что умственные силы тѣхъ ученыхъ были даже слабѣе, чѣмъ умственные способности любой нормальной женщины. Однако, не одинъ вѣсъ рѣшаетъ вопросъ объ умственныхъ качествахъ человѣка. Въ счетъ должны входить разныя извилины, соотношеніе составныхъ частей: бѣлой и

сѣрой субстанцій и т. п. Наука въ этомъ интересномъ и чрезвычайно важномъ дѣлѣ пока не произнесла своего „последняго слова“; Такъ называемое „физиологическое доказательство“ по отношенію къ умственнымъ способностямъ женщины есть, такимъ образомъ, лишь тененціозная опрометчивость.

Если обратиться теперь къ „историческому доказательству“, что личности женскаго пола до сихъ поръ не были способны ни на какіе великіе подвиги въ области науки и искусства, то въ противовѣсъ этому можно указать на незначительное сравнительно количество мужчинъ, которые дѣйствительно открывали наукѣ и искусству новые пути, которые ознаменовали славою своего имени цѣлую культурную эпоху! Сотни тысячъ, которымъ была доступна вся современная имъ культура, оказались рабами своего вѣка и болѣе или менѣе добросовѣстными „ремесленниками“.. Въ сравненіи съ этими безчисленными „рабами и ремесленниками“ число настоящихъ „геніевъ“ покажется намъ столь незначительно крохотнымъ, что вся сила упомянутыхъ выше „историческихъ“ доказательствъ обращается также и противъ высшихъ умственныхъ способностей мужчинъ. Лишь меньшинство изъ тѣхъ многихъ тысячъ молодыхъ людей, которые каждый годъ кончаютъ курсы въ университетахъ, художественныхъ училищахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ, приносятъ своей дѣятельностью дѣйствительную пользу дѣлу науки и искусства. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ претендовать на „историческое значеніе“. Вѣдь „для нѣкаго научное образованіе должно служить орудіемъ для добычя „наущнаго хлѣба“, чтобы не умереть съ голоду.

Заключеніе о способностяхъ женскаго пола, которое могло бы имѣть въ исторіи значеніе и вѣсъ, можетъ быть выведено лишь тогда, когда будетъ дана всѣмъ женщинамъ—безъ исключенія—возможность получить полное, ничѣмъ не ограниченное, образованіе, когда всякое дарованіе, всякая способность получать возможность свободно, безпрепятственно развиваться; но и это развитіе должно соответствовать особенностямъ женской при-

роды, а никакъ не можетъ стремиться создать изъ женщины каррикатурную копию мужчины. Только ограниченные и односторонніе поборники женской эмансипации могутъ утверждать, что между умственными способностями мужчинъ и женщинъ существуетъ „механическое“ равенство, которое можно, такъ сказать, измѣрить аршиномъ. Но если женскія умственныя особенности и носятъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ мужскія, то это совсѣмъ не равносильно тому, что онѣ менѣе цѣнны. А также нельзя на этомъ основывать устраненіе женскаго пола отъ высшаго образованія и общественной дѣятельности по призванію. Именно самымъ естественнымъ послѣдствіемъ дифференціаціи половъ въ умственномъ отношеніи должна быть плодотворная дѣятельность женскаго ума въ области искусства и науки. Слѣдовательно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что такая свобода умственной жизни женщинъ никакъ не приведетъ къ ограниченію или къ упадку, но послужитъ средствомъ къ процвѣтанію и расширенію науки. Одно авторитетное лицо повторяло это неоднократно, и этотъ авторитетъ былъ не кто другой, какъ Рессель Уоллесъ. Поэтому дайте намъ свободно пройти къ высокой культурной цѣли, дайте намъ наравнѣ съ мужчинами возможность трудиться и творить, чтобы каждый и каждая могли при полномъ расцвѣтѣ самоличности примѣнять свои особыя природныя качества и способности для общей пользы.

Но самая важная причина сопротивленія образованныхъ классовъ общества въ вопросѣ о допущеніи женщинъ къ высшему образованію—это, какъ было уже сказано ранѣе, боязнь конкуренціи. Она весьма понятна. Съ тѣхъ поръ, какъ капитализмъ сталъ угрожать среднему классу общества не только подавленіемъ, но даже уничтоженіемъ его хозяйственной самостоятельности, молодые люди средняго класса начали искать свое матеріальное обезпеченіе въ ученомъ трудѣ. А съ другой стороны, капитализму необходимъ пролетаріатъ умственного, научнаго труда, такъ же какъ пролетаріатъ труда физическаго. Капиталистическое

общество поэтому и должно способствовать появленію и развитію ученаго пролетаріата. Наблюдается, что повсюду въ государствахъ, гдѣ существуетъ преобладаніе капиталистическаго строя, число студентовъ ежегодно болѣе или менѣе значительно возрастаетъ. А каковы послѣдствія этого явленія при условіяхъ нынѣ существующаго общественнаго строя? Прежде всего надо сказать, что безконечное множество людей, получившихъ научное или художественное образованіе, не въ состояніи добиться независимаго положенія. Они принуждены сдѣлаться пролетаріями умственного труда, которые наравнѣ съ пролетаріями физическаго труда должны продавать свою рабочую силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою личность. Итакъ мы видимъ, что ученые люди не служатъ чистой и свободной наукѣ, а находятся на службѣ у капиталистовъ ради насущнаго хлѣба. Но одной эксплоатаціей дѣло не ограничивается. У насъ, въ Германіи, можно насчитать цѣлую „резервную“ армію ученыхъ тружениковъ, избытокъ умственныхъ силъ, которымъ капитализмъ не находитъ примѣненія, потому-что эти силы не нужны капиталу и не могутъ приносить ему матеріальной пользы.

Вотъ наглядный примѣръ для характеристики нынѣ существующихъ порядковъ. Первая самооцѣнка, сдѣланная послѣ введенія податной реформы Микеля, дала въ результатъ выводъ, что только 10% берлинскихъ врачей имѣютъ ежегодный доходъ въ 3000 марокъ и выше! Во „Врачебномъ Центральномъ Вѣстникѣ“, за 1890 годъ, жалуются одинъ берлинскій врачъ: „Мы уже дошли до того, что едва ли одна треть всѣхъ врачей можетъ существовать на средства, получаемыя отъ врачебной практики. Если это такъ дальше будетъ продолжаться, то врачамъ въ скоромъ времени придется собирать милостыню для своей нищенствующей братіи... Развѣ хорошо... если врачъ долженъ либо жениться на богатой особѣ, либо быть богачемъ, прежде чѣмъ начать свою дѣятельность?... Развѣ соответствуетъ идеаламъ добропорядочности, если мужчина долженъ въ продолженіе всей своей жизни пользо-

ваться тѣми средствами, которыя скопилъ либо его отецъ, либо отецъ жены?"

Не въ болѣе завидномъ положеніи находятся и германскіе юристы. Послѣ долгаго и стоящаго много денегъ университетскаго ученія начинается болѣе или менѣе продолжительное время ожиданія и надеждъ до экзамена на званіе реферendarія или ассессора. Учащіеся въ другихъ областяхъ науки не могутъ сказать, что ихъ положеніе лучше. Окончаніе курса наукъ или одной изъ специальностей искусства не обезпечиваетъ въ настоящее время положенія чело-вѣка; оно не есть вѣрный залогъ къ приличному существованію, и для большинства конецъ ученія равносиль-ленъ началу тяжелой борьбы за существованіе. Въ этой борьбѣ чело-вѣкъ долженъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что самая грязная конкуренція его-же собствен-ныхъ товарищей осложняетъ его и безъ того уже тяжелое положеніе. Ничего удивительнаго нѣтъ, если ученый мѣръ всѣми силами отбивается отъ опасной конкуренціи, угрожающей со стороны женскаго пола.

Какую роль играетъ боязнь конкуренціи въ отно-шеніяхъ научнаго міра къ высшей общественной дѣ-тельности женщины, это видно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Въ Россіи и въ Америкѣ обнаруженныя женщиною стремленія и требованія совсѣмъ не встрѣчали такихъ препятствій, какъ въ Германіи. При-чиной, имѣвшей рѣшающее значеніе въ такомъ направ-леніи дѣла, было полное отсутствіе мужского обра-зованнаго пролетаріата. По газетной статьѣ д-ра Герцен-штейна въ „Врачѣ“ 1883 года, для всей Россіи было необходимо тогда 50000 врачей. Но въ дѣйстви-тельности ихъ оказалось только 14000; слѣдовательно, недоставало 36000; но, принявъ во вниманіе распре-дѣленіе врачей по отдѣльнымъ центрамъ населенія, онъ даже нашель, что въ 1883 году въ Россіи недо-ставало 50000 врачей. Въ виду такого положенія дѣль, появленіе женщины-врача было встрѣчено не какъ по-явленіе конкурентки, а какъ желательной полез-ной сотрудницы. Въ то время, когда въ Сѣвер-

ной Америкѣ возникло движеніе въ пользу допу-щенія женщины къ высшему образованію, муж-чина всецѣло посвящалъ свою дѣятельность „охо-тѣ за долларомъ“; всѣ его возвышенные интере-сы поглощались одной только мыслью о легкой наживѣ. На науку и искусство смотрѣли какъ на ка-кіе-то предметы роскоши, пользованіе которыми можно было предоставить женскому полу. Поэтому эмансипа-ція женщинъ, въ этомъ отношеніи, не встрѣтила въ Америкѣ значительныхъ препятствій. Но теперь уже замѣчаются нѣкоторыя измѣненія. Въ Соединенныхъ Штатахъ сильно мѣняются экономическія условія, и подъ впечатлѣніемъ этихъ перемѣнъ возникъ новый взглядъ въ томъ смыслѣ, что всякій успѣхъ высшей научной дѣятельности женщины равносиль-енъ наруше-нію интересовъ мужчины.

Нѣтъ сомнѣнія, что требованія гражданскихъ правъ для женщины при своемъ осуществленіи должны привести къ экономическому столкновенію мужскаго труда съ женскимъ. Разрѣшеніе женскаго вопроса ни-какъ не можетъ обойтись безъ этого конфликта; и онъ будетъ доведенъ до крайности. Вѣдь женское движе-ніе не можетъ и не въ силахъ бороться съ капитали-стической эксплуатаціей чело-вѣческой рабочей силы. Первое и существенное условіе капиталистическаго и экономическаго строя основано на томъ, что женщина въ области науки, искусства и промышленности не можетъ быть равносильной сотрудницей мужчины; такой со-трудницей, которая могла бы наряду съ мужчиною прино-сить пользу въ дѣлѣ обогащенія общества въ матеріаль-номъ и культурномъ отношеніяхъ. Въ силу существую-щихъ экономическихъ законовъ, женщина должна взять на себя роль конкурентки, наносящей всею дѣятель-ностью сильный матеріальный ущербъ мужчинамъ. Что пролетарій долженъ терпѣть вслѣдствіе этого „въ борь-бѣ за хлѣбъ свой насущный“, то-же самое долженъ испытывать ученый или художникъ въ борьбѣ за су-ществованіе, достойное званія образованнаго чело-вѣка.

Германскій фабричный рабочій дошелъ уже до

правильнаго пониманія женскаго вопроса и его историческаго значенія. Пора, чтобы и академики дошли до такой же высоты пониманія. Да, впрочемъ, настанетъ когда-нибудь моментъ, и волей-неволей придется имъ согласиться не только на уступки, но даже на большее: сила событий заставитъ ихъ признать женщину равноправной сотрудницей въ области науки и искусства. Тѣ силы, которыя отрываютъ женщину отъ тѣснаго семейнаго круга и толкаютъ ее на арену жизни, въ тяжелую борьбу за существованіе, — эти силы не дремлютъ; и голодъ, и сознаніе своего личнаго достоинства толкаютъ женщину на борьбу за свободу просвѣщенія, за свободу женской мысли, за свободу женской дѣятельности по призванію. Въ ходъ историческихъ событий совершается неудержимо и послѣдовательно, въ силу строго опредѣленныхъ законовъ. Всѣ временные и личные интересы теряютъ свое значеніе передъ силой безпощадной необходимости.

Кромѣ страха передъ соперничествомъ, существуетъ еще другая причина, по которой академическій міръ вооружается противъ права свободной дѣятельности по призванію и противъ расширенія сферы женскихъ интересовъ. Эта другая причина основана на задачахъ женщины въ супружеской и семейной жизни. Женщина, какъ было уже сказано выше, не можетъ быть „только человѣкомъ“, она „человѣкъ женскаго пола“; слѣдовательно, она по своему происхожденію должна имѣть особыя специально-женскія задачи. Но капиталистическій общественный строй Германіи вызываетъ неизбѣжный для женщины конфликтъ между обязанностями по призванію и обязанностями чисто семейными. Приходится страдать то первымъ, то послѣднимъ; только въ исключительныхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ сильныя натуры бываютъ въ состояніи справиться съ тѣми и другими задачами. Но и при этомъ онѣ рискуютъ преждевременно утратить свои силы. Отжить свой вѣкъ вполнѣ, исполнивъ цѣльную задачу жизни, представляется для большинства женщинъ невозможнымъ.

Какое горькое разочарованіе! Въдѣ не только для того, чтобы получать средства къ пропитанію, женщина избираетъ себѣ по призванію какую-нибудь дѣятельность. Въдѣ она ищетъ въ работѣ болѣе возвышеннаго и болѣе богатаго содержанія для своей жизни. Она прибѣгаетъ къ общественной дѣятельности, чтобы спастись отъ духоты и пустоты въ домашней атмосферѣ и чтобы сдѣлаться свободнымъ и полноправнымъ человѣкомъ. Но въ современной дѣйствительности роль прежнихъ традиціонныхъ ограниченій занята одностороннимъ выполненіемъ задачъ въ узкой рамкѣ какой-нибудь спеціальности. Если женщина прежде считалась только хозяйкой въ семейномъ домѣ, то теперь она принуждена быть только работницей по своей спеціальности. Отчего это такъ? Отчего прежняя хозяйка дома стала теперь поденщицей капитализма? Оттого, что работа и вообще распредѣленіе работы находится въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи капитализма. Слѣдовательно, призваніе и профессиональная дѣятельность человѣка не находятся въ зависимости отъ самого человѣка; человѣкъ является рабомъ своей профессіи, такъ какъ капитализмъ по своимъ соображеніямъ и расчетамъ даетъ произвольное направленіе дѣятельности каждаго человѣка, зависимаго отъ общества.

Домохозяйка стараго времени вращалась въ своемъ ограниченномъ кругу, но зато она имѣла возможность обнаруживать разнообразнѣйшія способности и знанія. Она въ своемъ домѣ могла быть и ремесленникомъ, и художникомъ, потому что тогда еще не было фабричной промышленности и не знали тогда господства капитализма. Хотя современная женщина и занята въ болѣе широкихъ рамкахъ, все-таки ея дѣятельность носитъ весьма односторонній характеръ. Желая творить и просвѣщаться, женщина стремилась къ высшему образованію и помогала правъ свободной общественной дѣятельницы. Она хотѣла развивать свои силы въ области наукъ и искусствъ, имѣя въ виду удовлетвореніе своихъ личныхъ здоровыхъ потребностей

и общую пользу. И что же мы видим? Надъ ея профессиональнымъ образованіемъ и дѣятельностью тяготеетъ какое-то проклятіе, сводящее всѣ ея стремленія къ самой шаблонной борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но даже и въ томъ случаѣ, когда женщина, дѣйствуя по призванію въ интересахъ своего развитія, достигаетъ цѣнныхъ результатовъ, все-таки ей приходится терять значительную часть своей внутренней жизни, какъ женщины. Работая для добыванія матеріальныхъ средствъ, она имѣетъ мало свободнаго времени и свободныхъ силъ для того, чтобы добросовѣстно исполнять свои супружескія и материнскія обязанности.

Нѣкоторые поверхностные сторонники женской эмансипаціи предполагаютъ дѣйствительно, что женщина въ состояніи исполнять одновременно, какъ семейныя, такъ и профессиональныя обязанности. Въ дѣйствительности это предположеніе можетъ быть справедливымъ только тогда, когда женщина смотритъ на свою дѣятельность, какъ на модную форму такого дѣла, какое предпринимается „скуки ради“, для того лишь, чтобы имѣть какое нибудь занятіе; или же, когда женщина, будучи матерью, смотритъ на своихъ дѣтей какъ, на нежеланный подарокъ слѣплого случая, даже какъ на своего рода несчастье. Разумѣется, если женщины, стремящіяся къ социальнымъ реформамъ, утверждаютъ, что перевороты въ экономическихъ условіяхъ создали положеніе, при которомъ прежняя продуктивная дѣятельность женщины въ домѣ стала невозможной, то онѣ вполне правы. Но рука объ руку съ ограниченіемъ хозяйственной сферы дѣятельности идетъ расширение сферы умственной и нравственной жизни. Современный человѣкъ ищетъ въ любви, въ супружествѣ и въ семейной жизни болѣе разнообразнаго и болѣе богатаго содержанія, чѣмъ его предки. Но женщина, которая въ борьбѣ за существованіе должна терять свои лучшія силы, которая свое время должна отдавать профессиональнымъ занятіямъ, не можетъ давать ни мужу, ни дѣтямъ того, что бы слѣдовало. Ежедневно она будетъ задавать себѣ мучительные вопросы: каковы мои обязанности къ

семьѣ, къ призванію, къ свѣту? И въ душѣ она будетъ мучительно терзаться, чтобы найти исходъ изъ своего положенія. Въ ней будутъ спорить за преобладаніе женщины и человѣкъ; женщина будетъ стоять за удовлетвореніе требованій, касающихся семейныхъ дѣлъ, а человѣкъ въ ней заговоритъ въ пользу общественныхъ или культурныхъ интересовъ. Такая двойственность природы безусловно не можетъ быть полезной ни тѣмъ, ни другимъ интересамъ. Но окончательное разрѣшеніе этихъ противорѣчій совершенно не подлежитъ компетенціи тѣхъ лицъ, которыя жаждутъ разрѣшенія всего женскаго вопроса. Или вѣрнѣе: жаждущіе разрѣшенія всего женскаго вопроса сами по себѣ не въ силахъ устранить этотъ конфликтъ, а для этого необходима другая, болѣе могучая сила; сила, способная сокрушать и въ то же время вновь строить; однимъ словомъ, та сила, которой принадлежитъ будущее.

Весьма понятно, что студенты и ихъ наставники или „духовные отцы“ съ нѣкоторымъ ужасомъ отвернулись отъ тѣхъ женщинъ, которыя предъявляютъ требованіе играть въ жизни ту же роль, какую играли до сихъ поръ одни мужчины. Но академическіе учы не могутъ повернуть ходъ историческаго развитія назадъ. Они не могутъ вернуть старыя времена, когда женщина еще находилась въ рабскомъ подчиненіи у мужчины, когда за нею еще не признавали никакихъ правъ, кромѣ естественныхъ, которыя оправдывались самой природой. Академическая молодежь и ея наставники должны въ своихъ собственныхъ интересахъ всѣми силами способствовать осуществленію идеаловъ женской эмансипаціи; вѣдь для всѣхъ будетъ лучше выйти изъ неопредѣленнаго положенія и утвердить новое прочное начало.

Когда борьба за существованіе потеряетъ свой жестокой характеръ; когда братъ не будетъ возставать на брата ради куска хлѣба; когда тяжелыя цѣпи капитализма спадутъ съ рабочихъ силъ, — тогда наступитъ моментъ, когда женщина болѣе не будетъ соперничать съ мужчиной изъ-за куска хлѣба, и она станетъ

съ этого момента его сотрудницей, спутницей на пути къ полному счастью. Произойдетъ уравниеніе правъ мужчинъ и женщинъ. Всякая индивидуальность будетъ имѣть возможность дѣйствовать по общему правилу: живи свободно и трудись свободно! Всѣмъ одинаково будетъ предоставлено право свободно развиваться, каждому въ направленіи, наиболѣе подходящемъ къ его природнымъ склонностямъ и дарованіямъ, безъ всякаго стѣсненія, безъ малѣйшаго принужденія! Сестра не будетъ отбивать хлѣбъ у брата. Братъ будетъ смотрѣть на сестру, какъ на равную себѣ по способностямъ, по положенію, по стремленіямъ къ общимъ цѣлямъ. Дайте женщинѣ право свободной дѣятельности наравнѣ съ мужчиной, и она возвратитъ мужу прежнее счастье въ семейной жизни. Вѣдь если жена будетъ считаться равноправной съ мужемъ—человѣкомъ и сотрудницей мужа во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства, промышленности и ремесла, то мужъ выиграетъ во времени и въ силѣ столько, сколько нужно, чтобы установить вмѣстѣ съ женой здравый и полезный порядокъ въ семейной жизни и въ воспитаніи дѣтей. Итакъ, свобода научнаго образованія для женщины, свободная дѣятельность для каждой по ея призванію, полное развитіе всѣхъ индивидуальных качествъ въ чловѣкѣ женскаго пола, уменьшеніе обязанностей для мужчины и возможность для него болѣе разносторонняго развитія; большее согласіе между мужемъ и женой; болѣе возвышенная и болѣе содержательная семейная жизнь; увеличеніе матеріальнаго и культурнаго богатства семьи,—таковы, приблизительно, послѣдствія правильнаго разрѣшенія такъ называемаго женскаго вопроса.

Когда общественный строй въ Германіи преобразуется на новыхъ, болѣе здравыхъ, началахъ, то будутъ уничтожены противорѣчія, являющіяся слѣдствіемъ невозможности согласовать при настоящихъ условіяхъ обязанности семейныя съ обязанностями общественными. Если характерныя особенности женскаго пола и индивидуальныя его качества будутъ доведены до воз-

можно высшаго совершенства, то это нисколько не значитъ, что общечеловѣческія качества и дарованія, свойственныя всѣмъ людямъ одинаково, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, будутъ уничтожены или сведены до минимума. Нѣтъ, такое развитіе будетъ служить вѣрнѣйшимъ залогомъ того, что женщина не сдѣлается слѣпымъ подражателемъ по отношенію къ особенностямъ мужскаго пола. Оно должно цѣниться, какъ лучшее предохранительное средство отъ огрубѣнія нравовъ. Съ другой стороны, полный расцвѣтъ общечеловѣческой природы въ существѣ женскаго пола не можетъ быть вреднымъ для женской природы. Такое развитіе въ свою очередь предохранитъ женщину отъ изнѣженности и не позволитъ ей сдѣлаться „самкой“. Идеальная женщина должна отдавать обществу и семьѣ все то, чего тѣ въ правѣ отъ нея требовать. Женщину нельзя подвергать такой оцѣнкѣ, какую производятъ нѣкоторые сторонники эмансипаціи, опредѣляя достоинство женской личности и значеніе ея общественной дѣятельности по количеству ея плохихъ или удачныхъ литературныхъ произведеній и по аттестатамъ, выданнымъ ей на основаніи выдержанныхъ экзаменовъ. Отреченіе отъ естественнаго назначенія женскаго пола, бездѣтность и жизнь внѣ брака никогда не могутъ быть для идеальной женщины первыми условіями для достиженія высшаго развитія. Новая женщина желаетъ быть женою и матерью,—но женою и матерью въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но сверхъ того она хочетъ еще быть свободнымъ, сильнымъ и полнымъ чловѣкомъ; и только въ этой послѣдней роли она ничѣмъ не хочетъ отличаться отъ мужчины.

Какое удивительное противорѣчіе! Современное общество называетъ обязанности супруги священными и возвышенными, но довольствуется тѣмъ, если жена съ умѣніемъ и ловкостью принимаетъ въ домѣ гостей; нерѣдко жена должна служить только „предметомъ“ роскоши своего рода; въ лучшихъ случаяхъ она бываетъ послушной рабой своего мужа, ухаживаетъ за нимъ усердно и неумоимо и ведетъ добросовѣстно хозяйство

въ его домѣ. Но теперь жена стала болѣе „требовательной“. Она не желаетъ болѣе подчиняться мужу, хочетъ рядомъ съ нимъ идти впередъ, на встрѣчу высокимъ цѣлямъ. Она требуетъ, чтобы ей позволили имѣть такіе же идеалы, какіе воодушевляютъ мужа, чтобы ей позволили быть полноправной сотрудницей мужа, его соратницей въ борьбѣ за существованіе. Она желаетъ стать полноправной гражданкой въ мірѣ мужскихъ интересовъ и открыть для своего мужа въ семейной жизни „новые міры“.

Какая вопіющая непоследовательность въ мышленіи! Называютъ обязанности матери святыми и весьма серьезными, даже тяжелыми. Но въ то же время объявляютъ достаточно зрѣлой и достойной къ исполненію такихъ серьезныхъ обязанностей всякую дѣвченку, которая сегодня уже посѣщаетъ балы и выносить на показъ свои „женскія прелести“, между тѣмъ какъ вчера она еще играла въ дѣтской съ куклою! И подобныхъ личностей называютъ достойными быть матерями новаго поколѣнія, отъ котораго человѣчество въ правѣ ожидать разрѣшенія великихъ культурныхъ задачъ. Невольно вспомнишь при этомъ Вильгельма Буша и скажешь: „Сдѣлаться матерью не трудно, но быть матерью значительно труднѣе“. Современная жена стала болѣе „требовательной“. Она не желаетъ быть только нянькой для ребенка, она хочетъ воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы они впоследствии сдѣлались достойными и полезными членами человѣческаго общества. Она хочетъ развить въ себѣ ясную, сильную, свободную и вполне окрѣпшую индивидуальность, чтобы передать своимъ дѣтямъ дорогое культурное наслѣдство, зародыши полноправнаго человѣка, стремленіе къ полноправію. Въ качествѣ сильной личности она питаетъ сильную жажду къ знаніямъ, неудержимо влечетъ ее въ свѣтъ страстное желаніе „сѣять и жать“ для пользы культуры, науки и человѣческаго общества, а въ свою семью она хочетъ внести всѣ условія, необходимыя для того, чтобы создать могущественное, предусмотрительное и высоконравственное

вое поколѣніе. Она хочетъ въ жизни своихъ дѣтей быть живою силою, а не напоминать своимъ подчиненнымъ положеніемъ времена дѣтской беспомощности и заботливой материнской любви. Пора бы давно покончить съ порядками давно отжившей эпохи! Пусть будутъ и для женскаго пола открыты пути въ храмы наукъ и искусствъ! Она хочетъ занять то мѣсто, откуда она могла бы, подобно Прометею, гордо бросить свѣтъ: „Здѣсь я живу и создаю по своему образу людей, во всемъ мнѣ равныхъ!“ Поколѣніе свободныхъ и сильныхъ, способное „страдать и радоваться“; поколѣніе смѣлыхъ бойцовъ и людей непобѣдимыхъ въ своихъ стремленіяхъ, которые не страшатся небесной выси, которые не боятся ужасовъ адскихъ мукъ, которыми вся вселенная не кажется недоступной человѣческому уму загадкой; поколѣніе, которое въ непрерывной и постоянной борьбѣ спѣшитъ впередъ и вверхъ къ своимъ высокимъ цѣлямъ; поколѣніе, которое выше старой истины цѣнитъ добываніе новой. Современное общество отказывается дать женщинамъ полныя права человѣка, которыхъ она требуетъ ради себя самой, ради своихъ ближнихъ. Всякая женщина, въ которой проснулось сознание своего личнаго „я“ и которая ясно понимаетъ положеніе современнаго общества, должна взывать: „да придетъ царствіе Твое!“ И всякая женщина, стремящаяся къ правильному разрѣшенію женскаго вопроса въ Германіи, должна бороться за это будущее „царствіе“.

Питать такія же надежды, принимать дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, способствовать всѣми силами и всѣми средствами болѣе успѣшному разрѣшенію женскаго вопроса—это должно быть однимъ изъ высшихъ интересовъ германскаго студенчества. Развѣтженіе женщины со всѣми ея индивидуальными особенностями становится все болѣе и болѣе необходимымъ условіемъ въ любви и бракѣ. Половая любовь современнаго человѣка сильно отличается отъ половой любви нашихъ предковъ. Она сдѣлалась болѣе индивидуальнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ прежде она носила болѣе

родовой характеръ. Болѣе вліятельными стали поэтому для полнаго счастья въ любви, наравнѣ съ физическимъ влеченіемъ, духовно-нравственныя особенности мужчины и женщины. Въ старыя, давно прошедшія, времена люди довольствовались тѣмъ, что бракъ по своей сущности былъ чисто хозяйственнымъ союзомъ. Супруги не столько искали удовлетворенія любовныхъ потребностей, сколько домогались опредѣленныхъ экономическихъ цѣлей, которымъ они подчиняли свое личное «я». „Любовь у нихъ являлась вмѣстѣ съ бракомъ“. Нравственное единеніе сильно страдаетъ въ современной супружеской жизни, потому что индивидуальная любовь въ большинствѣ случаевъ находится въ нѣкоторомъ противорѣчій съ условіями современнаго брака; нравственное единеніе требуетъ совпаденія брака и любви. Любовь должна обязательно предшествовать заключенію брака. Болѣе широкое духовно-нравственное дифференцированіе личности создаетъ для современнаго человека, ищущаго въ бракѣ индивидуальной любви массу самихъ тонкихъ и неуловимыхъ моментовъ, которые въ состояніи сдѣлать брачное сожителство источникомъ самаго прочнаго и самаго чистаго счастья; но при извѣстныхъ обстоятельствахъ эти же моменты могутъ быть причиною адскихъ мученій. Они могутъ быть исходной точкой для идеальнаго возвышенія, для облагораживанія и нравственнаго обогащенія личности, но они могутъ также быть исходной точкой для глубокаго паденія и нравственнаго растлѣнія.

Художникъ, ученый, въ силу своихъ богатыхъ развившихся индивидуальныхъ качествъ, особенно сильно и продолжительно должны чувствовать вліяніе этихъ моментовъ. Они предъявляютъ къ духовно-нравственному существу брака болѣе разнообразныя, болѣе широкія и болѣе тонкія требованія, они находятъ въ бракѣ болѣе высокое счастье или болѣе глубокую печаль, чѣмъ личности, которыя менѣе отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Цифровыя данныя подтверждаютъ это. По статистикѣ бракоразводныхъ дѣлъ, въ

пятидесятихъ годовъ въ Саксонскомъ королевствѣ, въ которой царитъ „статистика нравовъ“ фонъ-Эттингера, наибольшій процентъ бракоразводныхъ дѣлъ падаетъ на среду ученыхъ и художниковъ. На каждыя 100000 такихъ браковъ приходилось 445 прошеній о разводѣ, или по одной жалобѣ на каждые 206 браковъ, на каждыя 100000 браковъ, заключенныхъ между служилыми людьми, прислугами и рабочими, приходилось только 289 требованій о разводѣ, или же одна жалоба на 346 браковъ. Я не оставляю безъ вниманія разныя соціальныя условія, которыя имѣютъ особенно сильное вліяніе въ мірѣ ученыхъ и художниковъ на высокую цифру брачныхъ разводовъ. Но, принявъ ихъ въ должное вниманіе, все-же еще остается значительная сумма вредныхъ для брачнаго союза условій, которыя коренятся въ индивидуальныхъ особенностяхъ соединенныхъ посредствомъ брака личностей. Сотни брачныхъ союзовъ между людьми съ художественнымъ и научнымъ образованіемъ не могутъ протекать въ добромъ согласіи, потому что индивидуальныя особенности брачующихся не подходятъ другъ къ другу.

Банальнаго филистера въ ужасѣ приводитъ высокая цифра бракоразводныхъ дѣлъ. Также и непредубѣжденный человекъ испугается, когда ознакомится съ статистикой брачныхъ разводовъ, но ему эти цифровыя данныя не покажутся черезчуръ высокими, — они будутъ ему казаться сравнительно незначительными. Расторженіе брака не покажется ему признакомъ возрастающей безнравственности, а скорѣе выразителемъ высоконравственнаго протеста современной личности противъ подчиненія живой человѣчности мертвымъ отношеніямъ вещей. Этотъ протестъ со стороны пришедшей въ полное сознаніе индивидуальности направленъ противъ грязи буржуазнаго брака, который скорѣе похожъ на коммерческую сдѣлку, на продажу живаго тѣла; въ большинствѣ случаевъ содержаніе такихъ браковъ исчерпывается тремя словами: проституція, грубость нравовъ, лицемеріе. Ни молитвы священнослужителя, ни гражданская формула брака не могутъ давать ему нравственной силы;

эти силы должны вытекать из родства душъ, брачующихся. Гдѣ это равенство душъ отсутствуетъ, тамъ вянуть и гложуть духовно-нравственныя особенности какъ у мужчины, такъ и у женщины; скучное однообразие безсодержательнаго сожительства убиваетъ эти весьма цѣнныя качества. Вѣдь мужчина, стоящій по своему умственному развитію и нравственнымъ качествамъ выше женщины, долженъ въ бракѣ съ нею сильно страдать отъ такого неравенства.

Жена, неспособная быть равной мужу, будетъ для него препятствіемъ на пути къ полному развитію его собственныхъ силъ и дарованій; всѣ его лучшія стремленія будутъ уничтожены этимъ препятствіемъ. Тамъ, гдѣ жена не обладаетъ достаточными силами, чтобы идти рядомъ съ своимъ мужемъ, послѣдній долженъ опускаться въ омутъ ничтожества и обыденной жизни. И въ результатѣ мы видимъ печальное явленіе: лучшая часть его индивидуальных особенностей погибаетъ и умираетъ подъ гнетомъ раздвоенной жизни, вмѣсто того, чтобы подниматься до степени высшаго развитія! Вѣдь при взаимодействіи индивидуальной личности и брачнаго союза имѣютъ силу какъ для мужа, такъ и для жены слова, заключающія въ себѣ и обвиненіе, и оправданіе, — слова, которыя Заратустра влагаетъ въ уста одной женщинѣ, виновной въ прелюбодѣянніи: „я дѣйствительно порвала брачныя узы, но бракъ до этого сломилъ меня“. Если современная личность не получила необходимыхъ ей правъ, то почва для расторженія брака достаточно подготовлена. Тогда въ сердцѣ и въ умѣ ежечасно пробуждаются грѣшныя мысли и желанія обладать другою женою, имѣть сношеніе съ другимъ мужемъ, тѣ грѣшныя мысли, которыя часто сильнѣе отравляютъ семейную жизнь, чѣмъ грубый грѣхъ, совершенный въ моментъ чувственнаго забвенія.

Бракъ, имѣющій цѣлью внутреннее нравственное единеніе, долженъ основываться на неизмѣнчивой и независимой индивидуальности супруговъ. Только между равными по личной силѣ и по личной своей свободѣ

личностями возможно полное счастье въ любви. Съ удивительною ясностью опредѣлилъ это одинъ изъ самыхъ гениальныхъ людей, одинъ исполинъ въ области искусства. Рихардъ Вагнеръ сказалъ: „Только любовь сильнаго къ сильному есть любовь. Любовь слабаго къ сильному должна называться не любовью, а страхомъ и смиреніемъ; а любовь сильнаго къ слабому должна считаться чувствомъ сожалѣнія и снисхожденія. Только любовь сильнаго къ сильному есть любовь, когда одинъ добровольно отдается другому безъ малѣйшаго принужденія и насилія“.

Безчисленное множество молодыхъ людей, которые вступаютъ въ храмъ науки „въ надеждѣ славы и добра“, должно въ концѣ концовъ довольствоваться скромнымъ, болѣе или менѣе доходнымъ, мѣстомъ; а нѣкоторые, чтобы обезпечить свое существованіе, должны искать возможно болѣе выгоднаго брака. Лишь немногимъ дана привиллегія жить согласно своимъ идеаламъ, въ соответствии съ своими потребностями, для науки или для искусства, не подчиняясь въ своей свободной дѣятельности требованіямъ окружающей среды. Въ обществѣ товарнаго производства стало товаромъ даже то, что открываетъ наука, что творитъ искусство. И точно такъ же, какъ хлопчатая бумага и кофе, научный и художественный товаръ долженъ искать себѣ рынка для сбыта. А на этомъ рынкѣ являются оцѣнщиками товаровъ невѣжество, извращеніе вкуса, причуды богатыхъ скушающихъ меценатовъ, денежныя интересы владѣтельныхъ и господствующихъ классовъ современнаго общества. Но какова участь большинства тѣхъ идеалистовъ, которые по гордости своей не могутъ подчиняться „условіямъ современнаго рынка“, которые видятъ въ наукѣ и искусствѣ какое-то могущественное божество, но никакъ не средство къ добыванію благъ и богатствъ? Могущество капитализма сокрушаетъ ихъ, произнося свое грозное „горе побѣжденнымъ“ надъ ихъ дарованіями и надъ ихъ стремленіями къ возвышеннымъ идеаламъ; власть капитализма торжествуетъ, а вмѣстѣ съ ней великая толпа ученыхъ „ремесленниковъ“ и наемныхъ худож-

никовъ. Послѣдніе жертвуютъ своею индивидуальностью, своими идеалами ради карьеры и золотого тельца. Нѣтъ нигдѣ свободного творчества, нѣтъ независимой плодотворной дѣятельности; вездѣ ученые невольники гонятся за легкими и пустыми побѣдами, общающимися горы золотыхъ наградъ и одобрительныхъ отзывовъ. Ученые и художники становятся простыми торговцами и промышленниками въ области наукъ и искусствъ. Они творятъ ради наживы, они служатъ высшей государственной власти, а не чистой наукѣ или свободному искусству.

Масса фактовъ въ окружающей насъ жизни доказываетъ намъ, что въ капиталистическомъ обществѣ свобода науки и независимость искусства суть пустые слова, понятія, существующія лишь въ одномъ воображеніи; то же самое можно сказать относительно фактической свободы личности. Не только для чловѣка, живущаго физическимъ трудомъ, но и для художника, а также и для ученаго послѣ торжества новыхъ общественныхъ началъ откроются всѣ пути къ высшему развитію чловѣка. Весьма удачно выразился по этому вопросу Рихардъ Вагнеръ: „Конечная цѣль историческаго развитія есть чловѣкъ, сознающій вполнѣ свою силу и въ которомъ всяческая красота доведена до полноты: пусть новыя начала дадутъ ему силу, а искусство красоту“. Съ какой удивительной ясностью понималъ этотъ безсмертный художникъ, что всякая дѣятельность въ области отвлеченной мысли должна потерять характеръ труда для добыванія насущнаго хлѣба, для того, чтобы искусство и науки сдѣлались вполнѣ независимыми, чтобы вернуть отдѣльной личности свободу и силу подняться къ высшимъ цѣлямъ чловѣческой жизни. „Дайте намъ отдѣлаться разъ навсегда, — такъ восклицаетъ онъ, — отъ всѣхъ несчастій ремесленничества и избавиться отъ блѣднаго призрака денежной души.... дайте намъ подняться къ идеалу свободного чловѣка-художника съ его стремленіемъ объять весь міръ! Мы всѣ желаемъ сдѣлаться прекрасными и сильными людьми, которымъ

принадлежитъ весь міръ, неисчерпаемый источникъ высшего счастья; мы ни за что не желаемъ оставаться долѣ поденщиками капиталистической промышленности“. Съ чуткостью художественнаго генія открылъ Вагнеръ, что развитіе общества до полного культурнаго совершенства не можетъ обойтись безъ новыхъ началъ. Если всѣ люди не могутъ быть „одинаково богатыми и одинаково счастливыми, то всѣ они должны быть одинаково рабами и одинаково несчастными“. Таково убѣжденіе Вагнера.

Въ античномъ мірѣ рабство широкихъ рабочихъ массъ было первымъ условіемъ духовнаго расцвѣта меньшинства общества, развитія болѣе высокой культуры. Но не то въ современной жизни. Исполнилось условіе, въ зависимость отъ котораго Аристотель ставитъ освобожденіе людей отъ рабства. Въ образѣ машинъ техника капитализма дала обществу рабовъ изъ желѣза и стали. Германскій пролетаріатъ стремится захватить въ свои руки политическую власть, овладѣть этими „желѣзными и стальными рабами“ и дать имъ свободу, чтобы эти средства производства служили не интересамъ отдѣльной личности, но общему благу и на пользу всѣмъ равнымъ между собою людямъ.

Возникнетъ общество людей равныхъ между собою, союзъ свободныхъ и сильныхъ, самостоятельныхъ и независимыхъ. Искусства и науки станутъ общимъ достояніемъ. Наука болѣе не будетъ служить источникомъ для добыванія насущнаго хлѣба, ученый или художникъ уже не будетъ продавать свою личность въ борьбѣ за существованіе. Наука будетъ для науки и для общей пользы всему чловѣчеству. Искусство болѣе не будетъ служить игрушкой праздныхъ людей; не будетъ служить наркотическимъ средствомъ для людей, устало уединяющихся въ область нео-идеализма и нео-мистицизма; оно, напротивъ, будетъ черпать свои силы изъ живого источника бытія, природы, народной жизни. Всякій будетъ имѣть возможность быть свѣдущимъ въ области науки и искусства. Разу-

мѣется, не каждому будетъ доступно серьезное научное и художественное творчество, но каждому будетъ дана возможность учиться и вникать въ сущность ученыхъ и художественныхъ вопросовъ. Только при такихъ обстоятельствахъ возможенъ полный расцвѣтъ того искусства, которое эстетикъ Фишеръ ставитъ выше всякаго другого искусства: прекрасное искусство пользоваться благами жизни.

Въ нашу эпоху, эпоху борьбы за достоинство личности, на академическомъ мѣрѣ лежитъ великая задача: проложить дорогу свободѣ, по которой долженъ придти полноправный человѣкъ въ полномъ сознаніи своей силы и красоты.

